

Н. Н. РОЗОВ

Иллюстрации Киевской псалтыри 1397 г. на полях старопечатной книги

Знаменитая лицевая Псалтырь, написанная в 1397 г. протодиаконом Спиридоном в Киеве, не осталась одинокой в истории русской рукописной книжности: известны еще 11 Псалтырей той же системы иллюстраций. Одна была написана в 1485 г. Федором Шараповым в Угличе, десять были сделаны в 1594 г. по заказу боярина Д. И. Годунова в Москве. Особенностью иллюстраций всех этих Псалтырей является расположение изображений исключительно на полях рукописей.¹ Такая система, появившаяся в Византии еще в IX в. и связанная с определенной редакцией текста Псалтыри,² придавала изображениям максимальную иллюстративность: художник помогал читателю осмыслить текст, почти не отрывая глаз от строки. Однако это замечательное качество, особенно ярко выраженное в Киевской псалтыри,³ за неполные двести лет в значительной степени утрачивается: в Годуновских псалтырях далеко не все изображения являются иллюстрациями и нет уже их привязки к тексту, как в Киевской и Угличской. Поэтому совершенно неожиданным является возрождение указанного свойства в печатных Псалтырях XVII в.

Если о Киевской, Угличской и Годуновских псалтырях писалось и пишется довольно часто, то о старопечатных Псалтырях с иллюстрациями, выполненными вручную, вспоминают редко, в частности о той, которой посвящена предлагаемая статья.⁴

¹ См.: Н. Н. Розов. О генеалогии русских лицевых Псалтырей XIV—XVI веков с иллюстрациями на полях. — В кн.: Древнерусское искусство. Искусство возвышающейся Москвы. XIV—XVI вв. Изд. «Наука», М., 1969, стр. 226—257.

² М. В. Щепкина. Болгарская миниатюра XIV в. М., 1963, стр. 103.

³ Н. Н. Розов. Древнерусский миниатюрист за чтением Псалтыри. — ТОДРА, т. XXII, М.—Л., 1966, стр. 65—82. Пользуюсь случаем исправить одну опечатку и одну неточность на предпоследней странице названной статьи: Годуновские псалтыри относятся к концу не XVII, а XVI в. и при ближайшем рассмотрении их оказалось не «свыше двух десятков», а только десять. Некоторые другие лицевые Псалтыри, в том числе Годуновская 1591 г. (о ней см.: Н. Покровский. Ипатьвская лицевая Псалтырь 1591 года. — Христианское чтение, 1883, № 9—10, СПб., 1883, стр. 594—628), иллюстрированы не на полях, а среди текста и на отдельных страницах.

⁴ Первое описание ее было сделано в «Отчете имп. Публичной библиотеки за 1891 г.» (СПб., 1894, стр. 131—134). В ГПБ ей был присвоен шифр: QI № 1129 (в известном исследовании лицевых Псалтырей И. Тикканена он назван неверно). Другая старопечатная Псалтырь с рукописными вставками и иллюстрациями описана И. А. Бычковым в «Каталоге собрания рукописей Ф. И. Буслаева» (СПб., 1897, стр. 102—105); иллюстраций на полях в ней гораздо меньше, а те, что сделаны на вшитых листах, совпадают с иллюстрациями в Годуновской псалтыри 1594 г., хра-

Уже внешний вид этой книги примечателен: у нее огромные поля, явно оставленные специально для иллюстраций. В иллюстрированной части (таковой является часть, содержащая псалмы и «песни» Псалтыри; следующие за ними «чины» и «последования» иллюстраций не имеют) текст обведен по линейке киноварными линиями. Киноварными или чернильными линиями ограничены на полях и иллюстрации, а иногда — места для них, оставшиеся незаполненными. Так была сделана «заготовка» для иллюстрирования текста. Сами иллюстрации, по определению автора их первого описания, разновременного происхождения и разных художников. Древнейшими признаются наименьшие по размерам, с четко очерченными контурами, с тщательно вырисованными деталями. Эти особенности роднят их с иллюстрациями Киевской псалтыри, да и большинство сюжетов те же самые. Однако изображения в данном случае несут большую нагрузку: они иллюстрируют не только текст, но и его толкования, написанные от руки тут же, на полях. Последнее обстоятельство резко отличает эту Псалтырь от 12 ее предшественниц, в которых иллюстрации раскрывают лишь основной текст, а не его толкования (в Годуновских псалтырях последние вынесены в заголовки псалмов, а в Киевской и Угличской вообще отсутствуют). Кроме этой «многослойности», в иконографии рассматриваемых изображений в какой-то степени отразилась и эволюция иллюстраций Киевской псалтыри в ее «потомках» — Угличской и Годуновских. Все сказанное затрудняет анализ иллюстраций данной Псалтыри, но и сулит интересные, быть может неожиданные, результаты. Этот анализ должен стать предметом специального исследования; в предлагаемой же краткой статье автор ограничивается лишь несколькими примерами.

В качестве первого примера возьмем иллюстрацию стиха 57-го псалма: «Яко аспид глухий и затыкаяй уши своя, яже не слышать гласа обаваящих». В Киевской псалтыри к нему привязана лаконичная двухфигурная композиция: перед человеком в восточном одеянии, играющим на длинной дудке, изогнулся «аспид», затыкающий ухо кончиком хвоста. В рассматриваемой же Псалтыри все гораздо сложнее. На поле написано сначала: «толкование: аспид убо егда слышит обавника и он едино ухо положит на земли, а другое заткнет хоботом своим . . . тако же и жидове учащу их Спасу — они же не внимаху учения Спасова зависти ради» (л. 91 об.).⁵ Ниже все это иллюстрировано: изображены два музыканта в русских костюмах (один играет на дуде, другой бьет в барабан) над крылатым «змием» (так он надписан), сидящим в пещере; еще ниже — Христос с апостолом Петром перед толпой «жидов». Эта сложная, трехъярусная композиция в своем стремлении проиллюстрировать не только текст, но и его толкование, утратила не только лаконичность, но и саму иллюстративность изображения Киевской псалтыри — его соответствие тексту: нет «обавника» (чародея, колдуна — этим словом надписаны музыканты) и «аспид» не только не «затыкает уши своя» описанным в толковании способом, но вообще превратился в другое существо («змей»). Превращение это, вероятно, отражает эволюцию иллюстраций Киевской псалтыри в Годуновских, где в этом месте нарисован летящий над «Адом» (человеческой фигурой) «змей».

ныщей ныне в Государственной Третьяковской галерее. Третья аналогичная Псалтырь хранится в настоящее время в Отделе редких книг ГБЛ; ее отдельные иллюстрации воспроизведены Ф. И. Буслаевым (Сочинения, т. 2, СПб., 1910, стр. 21, 297, 401—402). По словам О. А. Белобровой, на полях этой Псалтыри до 966 первых рисунков.

⁵ Номера листов указываются первоначальные, печатные, так же как в «Отчете имп. Публичной библиотеки», а не позднейшие, рукописные.

Интересны случаи, когда толкование было проиллюстрировано раньше, чем самый текст, например около стиха 65-го псалма «Пройдохом сквозе огонь и воду и извел еси ны в покой». В Киевской псалтыри ему соответствует сложная многофигурная композиция на сюжет истории сорока мучеников Севастийских. В рассматриваемой Псалтыри к этому стиху дано (на поле): «толкование: сиречь сквозе огонь духовный и воду крещения приходяще вернии»; это «толкование» иллюстрировано ниже первым рисовальщиком — «ерей» опускает в купель горящую свечу (очень древняя и редкая деталь обряда крещения), рядом стоят «кум» и «кума» с младенцем. А на нижнем поле, во всю ширину этой и следующей страницы, другой рисовальщик (для него свойственны больший размер иллюстраций и густота красок при меньшей тщательности в деталях) изобразил историю сорока мучеников в полном соответствии с Киевской псалтырью, лишь более подробно прокомментировал детали в надписях.

Обилие подчас пространных надписей вообще является одной из отличительных особенностей иллюстраций рассматриваемой Псалтыри; они дают иногда возможность атрибутировать изображения Киевской псалтыри. Так, например, начало 76-го псалма иллюстрировано в Киевской псалтыри изображением «преподобного»; в старопечатной Псалтыри он подписан именем «Макарий», а ниже киноварью дана «биографическая справка»: «Преподобный Макарий бе в царство Феодосия Великаго в лето 5873, во дни 2-го собора; собеседник бе Великому Антонию, поживе же лет 97 и преставися с миром» (л. 122 об.).

Размер предлагаемой статьи не позволяет показать больше примеров отражения иллюстраций Киевской псалтыри на полях старопечатной книги, но еще один — загадочный и спорный пример — необходимо привести.

Это — последняя иллюстрация книги, у последнего стиха «Молитвы пророка Захарии», которой нет в Киевской псалтыри. Изображен Давид со своими обычными атрибутами — скипетром и гуслиями: последними на всех иллюстрациях этой книги заменена трехструнная прямоугольная псалтырь, нарисованная в Киевской псалтыри. Рядом стоит архиерей (с нимбом), подписанный необычно — «Отец Михаил». Среди многочисленных святых с этим именем в «Полном месяцеслове Востока» есть лишь два архиерея — епископ Синадский, живший в начале IX в.,⁶ и первый киевский митрополит — «сомнительный» русский святой, о котором не сохранилось письменных свидетельств, а лишь одни предания. Скорее всего последний, а не первый — давно уже канонизированный, но еще вряд ли широко известный на Руси святой — мог быть назван «отцом», а не «святителем», как полагалось.

Но можно сделать и другое, более смелое предположение. Рядом с царем Давидом, изображением которого на фронтисписе открывается Киевская псалтырь, могли изобразить того, чьим именем она заканчивается, т. е. упомянутого в приписке заказчика рукописи — смоленского епископа Михаила. «Отец Михаил» изображен в традиционной позе донатора: он не держит одной левой рукой, как полагается «святителю», а как бы протягивает ее, держа двумя руками, Давиду (см. рисунок).⁷

⁶ Сергей, архимандрит. Полный месяцеслов Востока, т. 2. Владимир, 1901, стр. 192.

⁷ А может быть, и Христу, изображение которого, вероятно, находилось над Михаилом и Давидом (над ними сейчас небольшая квадратная «заплатка» из другого сорта бумаги).

Таким образом, две из трех предполагаемых атрибуций «отца Михаила» подкрепляют связь с памятником киевского книжного искусства XIV в. печатной книги середины XVII в.⁸

Однако не только иллюстрации, восходящие к Киевской псалтыри, должны стать предметом дальнейшего изучения рассматриваемой старопечатной Псалтыри. Другие иллюстрации, позднейшего происхождения и несомненно отразившие влияние современной им живописи, не менее интересны. Во множестве бытовых реалий, в costume, реквизите, пейзаже и архитектуре они запечатлели те перемены в идеологии и в быту наших далеких предков, которыми так богат бурный и мятежный XVII век. Таковы изображения сева и жатвы, строительства каменного дома — с лесами, подъемным блоком и другими «техническими» деталями (л. 216 и об.), множество рисунков диких и домашних животных, изображенных не в условной, а в реалистической манере. Например, хотя «прузи» нарисованы величиной почти с коров, изображенных рядом, все-таки это самая настоящая саранча, пожирающая посевы (л. 128 об.). Некоторые иллюстрации отразили и социальные контрасты: нищий в лаптях с плетеной котомкой (л. 164), русский боярин в роли «лихоимца», наущаемого дьяволом, который гонит другого, босоногого нищего (л. 185 об.), и некоторые другие. Отразились даже некоторые проблемы, издавна волновавшие умы русских писателей и публицистов, и не только отношение ко всяким «неверным» вообще, но и такие частности, как например симония: есть изображение «херотонии», где епископ «на серебре поставляет на священство» (л. 110 об.).

И все эти позднейшие наслоения, не находящие аналогий в иллюстрациях Киевской псалтыри, связаны с ней системой привязки изображений непосредственно к тексту. Но если в Киевской псалтыри это осуществляется просто — киноварными соединительными линиями, то «многослойность» иллюстраций старопечатной книги обусловила более сложную систему обозначения этих связей — с помощью целой серии разноцветных «корректорских» знаков — точек, крестиков, треугольников и некоторых других, в том числе напоминающих разделительные знаки рукописных книг. Так в общности большинства сюжетов и их иконографии, а главное в самом принципе иллюстрирования — в расположении изображений на полях с привязкой их непосредственно к тексту — возродились через триста лет в русском книгопечатании традиции одной из самых замечательных лицевых рукописных книг. Пусть этот факт пока единичный (хотя нельзя отрицать возможности находки аналогичных случаев в старопечатной русской книжности), он входит в ряд многочисленных фактов, свидетельствующих о связях между двумя периодами истории русской книги — рукописным и печатным. Он еще раз показывает, что нельзя изучать четырехсотлетнюю историю русского книгопечатания в отрыве от предшествующей ей пятисотлетней истории рукописной книжности.

⁸ В дополнение к достаточно убедительной аргументации датировки в «Отчете имп. Публичной библиотеки» («после 1658 г.») сошлюсь на филигрань большинства ее листов. В альбоме А. А. Гераклитова, где, по словам автора, «подавляющая масса образцов взята из печатных изданий ... московской типографии» (А. А. Гераклитов. Филиграния XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963, стр. 10), она датируется 1643 г. (№ 198).